

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

В казарме

«Public Domain»

1903

Куприн А. И.

В казарме / А. И. Куприн — «Public Domain», 1903

«Канун рождества. С утра и до самого обеда 4-я рота прибиралась к празднику. В одних нижних рубахах и в засученных по колена портах, но с галстуками на шеях, солдаты мыли асфальтовые полы, протирали окна и белили известкой стены казармы. Вечером – деваться некуда от скуки. На дворе, не переставая, валил тихий, густой, крупный снег. Он начался еще до рассвета и падает беззвучно, неторопливо и упорно, точно обещая, что никогда ему не будет конца. Из-за него не видно неба, но оно, должно быть, мутное, хмурое и такое же тоскливое, как и все в этот день...»

© Куприн А. И., 1903

© Public Domain, 1903

Александр Иванович Куприн В казарме

Канун рождества. С утра и до самого обеда 4-я рота прибиралась к празднику. В одних нижних рубашках и в засученных по колена портах, но с галстухами на шеях, солдаты мыли асфальтовые полы, протирали окна и белили известкой стены казармы. Вечером – деваться некуда от скуки. На дворе, не переставая, валил тихий, густой, крупный снег. Он начался еще до рассвета и падает беззвучно, неторопливо и упорно, точно обещая, что никогда ему не будет конца. Из-за него не видно неба, но оно, должно быть, мутное, хмурое и такое же тоскливое, как и все в этот день.

В казарме темно, потому что фельдфебель Осип Иванович Гуменный пользуется отсутствием офицеров и «загоняет экономию» на керосин. Горит лишь один стенной ночник посредине между вторым и третьим взводом. Он бросает тусклый, коричневый, бессильный свет на стену, на таблицы с рисунками, на ближнюю пирамидку с ружьями, но, благодаря ему, темнота в дальних углах казармы кажется еще темней, холодней и унылее.

Ефрейтор 3-го взвода Верещака собрал своих «молодых» и репетит с ними словесность. В этом, собственно говоря, нет никакой надобности, да и время теперь считается свободным от занятий, но Верещака изнывает от безделья, и сознание своей неограниченной власти, к которой он не успел еще досыта привыкнуть, доставляет ему лишний раз острое, щекочущее удовольствие.

Под началом у него пять новобранцев и один вольноопределяющийся. Новобранцами ефрейтор очень доволен. Только месяц тому назад их «пригнали» из деревни, и потому они скромны, почтительны, усердны, запутаны чуждой казарменной обстановкой и совсем обиты с толку диким для них обиходом солдатской жизни. Глубина знаний, усвоенных Верещакой, кажется им бездной, превосходящей все доступные человеку пределы. Когда ефрейтор объясняет им тайны словесной науки или показывает художественные тонкости ружейных приемов, они глядят на него, широко раскрыв рты и выпучив напуганные глаза. Это внимание сильно и заметно льстит Верещаке, которому иногда, лишь с большим трудом, удается сохранить небрежный и суровый начальственный вид.

Зато вольноопределяющийся огорчает ефрейтора своей непочтительностью. В чем заключается эта непочтительность, Верещака не может точно определить: вольноопределяющийся вежлив, сдержан, величает Верещаку г-ном ефрейтором, встает, когда тот обращается к нему с вопросами, словом, держит себя, как настоящий подчиненный с начальником, и придраться к нему нельзя ни с какой стороны. Но в глазах у него есть всегда какая-то тонкая, неуловимая искорка, которая смущает строгого ефрейтора и часто заставляет его отводить глаза, а в тоне коротких и ясных ответов сквозит что-то необычайно спокойное и равнодушное, от чего Верещака ни с того ни с сего перестает ощущать у себя в душе радостно-начальственные чувства. Поэтому он скрыто ревнует вольноопределяющегося к власти, не упускает вернуть на его счет ядовитое замечание, но схватываться с ним в открытую боится: вольноопределяющийся неуловим, ускользает, как выюн, от начальственного гнева, и ефрейтор уже оставался несколько раз в дураках, пробуя над ним систему устрашения. Молодые сидят на двух койках, по трое с каждой стороны, лицами друг к другу. Ефрейтор ходит взад и вперед по свободному пространству между кроватями и стеной, задает вопросы и объясняет. Наружностью он похож на тех бравых солдат, которых рисуют на мишенях для стрельбы и на лубочных картинках, а тон голоса у него настоящий унтер-офицерский – певучий, молодеватый и бессмысленный. Таким именно тоном солдаты исполняют на своем домашнем театре царя Максимилиана и его непокорного сына Адольфия.

– Что у тебя, Бондаренко, у руках? – спрашивает он нараспев.

Бондаренко, ударив обеими ногами об пол, вскакивает прямо и быстро, точно деревянная кукла на пружине. Он сначала с недоумением косится на свои растопыренные пальцы, потом робко взглядывает на ефрейтора и отвечает вопросительно:

– Н-ничого, дяденька?..

– Вот, и видно сразу, что ты з деревни и к тому же дурень. Это только в настояшшо время нема ничего. А ежели ты, примерно, стоишь у строю с ружом и до тебе подходит начальство и спрашивает: что у тебе в руках, Бондаренко? Что ты должен отвечать?

– Ружо, дяденька? – догадывается Бондаренко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.